

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК X

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

А. Исаков

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

До недавнего времени раннесредневековая история Средней Азии была крайне слабо изучена. По письменным источникам было известно, что в IV—VI вв. районы Междуречья (Мавераннахра) входили в состав недолговечных кочевых государственных объединений, известных под названием «белых гуннов», кидаритов, хионитов или эфталитов. Во второй половине VI — начале VII в. ряд районов Средней Азии входил в состав Тюркского каганата. В недрах этих государств постепенно складывались отдельные, фактически независимые владения — княжества со своими столицами и провинциями, восстанавливались ирригационные сооружения, заново обживались и возникали новые поселения, замки, города.

С особой наглядностью процесс этот протекал в Согде (долина Зеравшана), который в VI — начале VII в. номинально входил в состав Тюркского каганата. По данным письменных источников, на территории Согда были полунезависимые владения с центрами в таких городах, как Самарканд, Маймург, Кеш, Нехшеб, Бухара, Пайкенд, Вардана, Кушания, Иштихан, Кабуджикат. Главным центром долины Согда был Самарканд [6, стр. 22].

Среди этих княжеств Пенджикент не упоминается. По всей видимости, вначале Пенджикент входил в состав княжества Маймург [8, стр. 86]. Однако уже в первой половине VII в. Пенджикент превратился в независимое княжество с центром на месте руин ныне широко известного городища Древний Пенджикент.

Письменные источники оставили лишь разрозненные и немногочисленные сведения о внутренней жизни и быте в этих княжествах. Хорошо известно короткое сообщение Нершахи о Варахше: «Был в ней (Варахше) дворец благоустроенный, который возвел бухар-худат. Больше тысячи лет, как он разрушился и пришел в запустение. Другой бухар-худат уже много времени тому назад восстановил его, но дворец снова разрушился. Буниат, сын Тогшады, внук бухар-худата [?], во времена ислама вновь отстроил здание, сделал его местом своего обитания [и жил в нем], до того как был в нем убит» [4, стр. 21].

Это первое в исторических источниках сообщение о дворце правителей раннесредневекового города блестяще подтвердилось раскопками В. А. Шишкина на городище Варахша. Здесь впервые был открыт крупный дворцовый комплекс с уникальными по своему значению росписями и фрагментами алебастрового декора [10, стр. 153 сл.]. Варахшский дворец имел сложную планировку. Три периода строительства, многочисленные ремонты и перестройки в значительной степени осложнили выявление первоначального плана дворца. Попытка

Цитадель Пенджикента. Вид с северо-востока (фото А. М. Беленицкого)

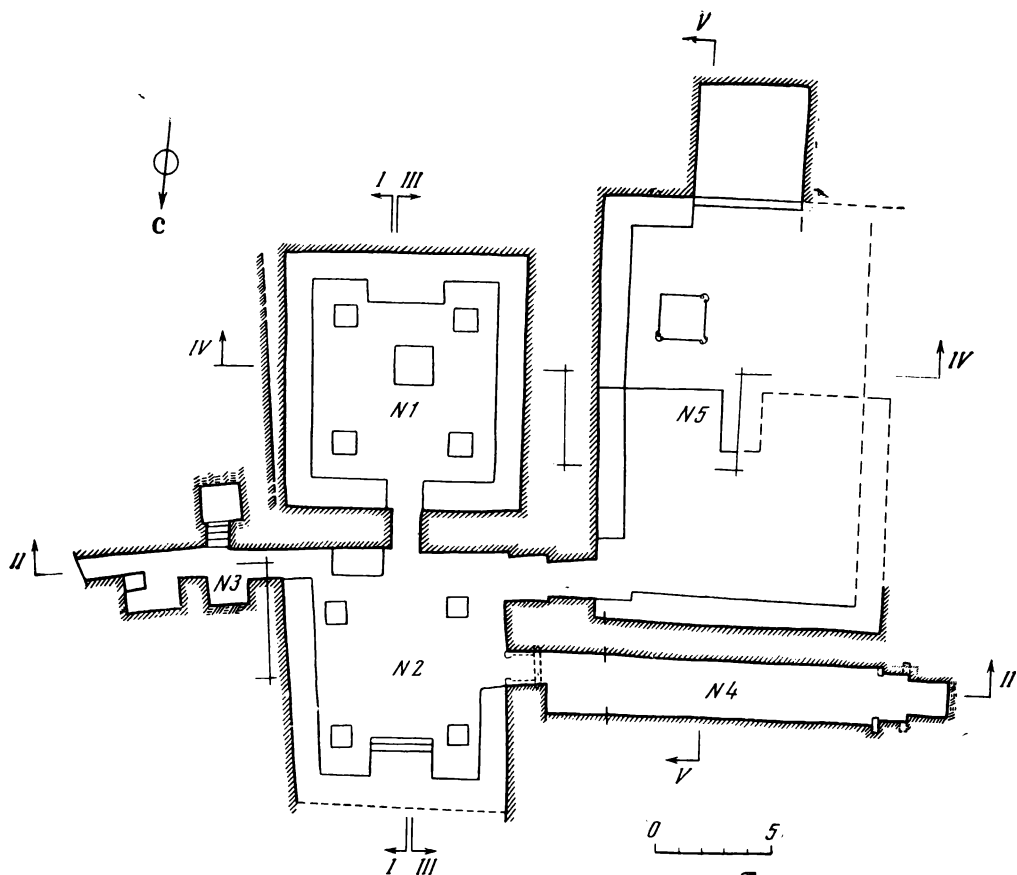
В. А. Нильсена реконструировать первоначальный план лишь приближает к пониманию состава дворцовой застройки в различные периоды строительства [5, стр. 45 сл.]. Варахшский дворец долгое время был единственным сооружением такого рода предарабской эпохи.

Как известно, Пенджикент по сравнению с Варахшой дал гораздо больше для характеристики раннесредневекового города Средней Азии. Многолетние работы в Пенджикенте дали впервые представление о столичном городе согдийского княжества [1].

С самого начала изучения древнего Пенджикента стал вопрос о местонахождении дворца «правителя Панча», «государя великого оплота, Согдийского царя, Самаркандского господина Деваштича».

Первые попытки установить местоположение дворца на территории цитадели не дали ожидаемого результата. В цитадели было найдено лишь сооружение типа жилой башни — донжона, а во дворе — остатки небольших помещений жилого и хозяйственного назначения [9].

Поиски дворца велись и на территории шахристана, где первый же открытый крупный зал № 7 на объекте III получил название «парадного зала Деваштича», а весь комплекс помещений с залом — «дворца Деваштича» [11, стр. 258]. Однако дальнейшие работы в Пенджикенте привели к открытию десятков больших и богато оформленных жилых зданий в шахристане, и вопрос о местоположении дворца правителя вновь стал предметом дискуссии. А. М. Беленицкий хотел видеть дворцовое здание на шахристане в объекте XXI, где в 1965 г. были раскопаны богато оформленные залы с коридором и прилегающими жилыми помещениями [2]. Теперь уже ясно, что поиски дворца на шахристане также не были оправданы, ибо сплошной характер застройки в городе не оставлял места для отдельно стоящего со своей системой укреплений здания, каким должно было быть дворцовое сооружение правителя города.

План дворца (составлен архитектором Н. П. Егоровой)

В 1964 г. были возобновлены работы на кухендизе, где первые три года продолжалось изучение внутреннего двора цитадели. В 1966 г. был заложен стратиграфический шурф в северо-восточной части так называемого «внешнего двора», над которым с запада на 7 м возвышается донжон.

Следует отметить, что топография «внешнего двора» была крайне невыразительной. Как теперь выяснилось, позднее использование его территории сгладило поверхность в отличие от шахристана, где холмы и бугры различных очертаний указывают на древние постройки. Тем более неожиданным явилось обнаружение в стратиграфическом шурфе остатков крупной постройки, которые и дали основание для более широких раскопок. За два последних года здесь обнаружено здание и по положению и по своей структуре несомненно дворцового характера. Оно находится и под защитой укрепленной цитадели и явно господствует над самим городом, топографически не сливаясь с ним.

«Внешний двор» приподнят приблизительно на 20 м над уровнем современной дороги, проходящей у основания холма цитадели. В плане он вытянут с севера на юг на 60 м, с запада на восток — более чем на 40 м. Въезд находился в юго-западном углу «двора».

В течение последних двух сезонов 1967—1968 гг. здесь раскопано три крупных зала, связанных между собой широкими проходами, и длинный парадный коридор. Эти помещения составляют

лишь часть дворцового комплекса, но уже дают достаточно наглядное представление о его характере. Описание раскопанной группы помещений мы начнем с коридора.

Сводчатый коридор длиной 14 м, при ширине 2,35 м, расположен в северо-западной части комплекса. Он, служа вестибюлем к парадным залам, связывал их между собой и вел наружу. Массивные стены (более 1,5 м ширины) сложены из сырцовых кирпичей стандартного пенджикентского размера $48-50 \times 24-25 \times 10-12$ см и сохранились на высоту более трех метров.

Поверхность стен коридора была покрыта двойной штукатуркой. На первом слое имеются полукруглые желобки, нанесенные пальцами. Аналогичный прием применялся при штукатурке залов пенджикентского шахристана. Этот прием предназначался для лучшего сцепления со следующим, более ответственным слоем штукатурки, по которому наносились росписи¹.

Стены коридора, включая своды, были некогда покрыты росписями. Небольшой фрагмент орнаментальной росписи сохранился на пятаке свода южной стены. Расписные своды были обнаружены неоднократно и в шахристане Пенджикента.

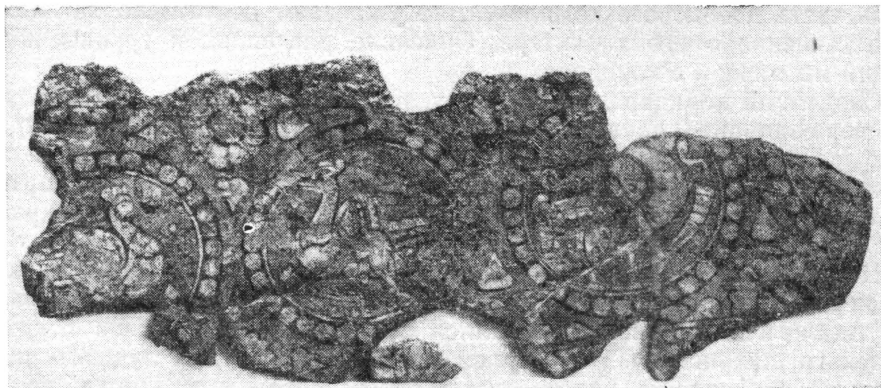
В восточном конце коридора обнаружены остатки дверной коробки, от которой сохранилось несколько обуглившихся деревянных частей. Проход шириной 1,10 м ведет в один из парадных залов (№ 2). В плане это близкий к квадрату зал 11×10 м. Вдоль стен зала расположены суфы (шириной 1,20 м, высотой 0,50 м). Особенно интересна северная суфа, которая в серединной части значительно расширяется (она выступает на 2,53 см от стены внутрь зала), образуя почетное место. Здесь на суфу ведут три ступеньки высотой 0,15—0,20 м, шириной 0,20—0,25 м каждая. Отметим, что такой трехступенчатый подъем у суфы впервые обнаружен в этом зале.

Довольно хорошо сохранились восточная, южная и частично западная стены, северная же стена разрушена до основания. Перекрытия зала поддерживались четырьмя деревянными колоннами, от которых сохранились в полу квадратные гнезда от баз. Некогда весь зал был покрыт росписями, а деревянные конструкции потолка колонны украшены резными фигурами и орнаментом. Реставраторам удалось расчистить некоторые фрагменты, в том числе обуглившуюся женскую фигурку. По отпечаткам дерева в завале прослеживается резьба с растительными мотивами в виде розеток и листьев. Устанавливается, что резное дерево было окрашенным.

Фрески на стенах зала сохранились очень плохо. На одном сохранившемся фрагменте росписи, обнаруженном у прохода в западной стене, прослеживается неясная по содержанию многофигурная сцена. Лучше сохранился фрагмент живописи с рядом красочных изображений птиц в обрамлении круга из перлов, так называемого сасанидского облика.

Проход шириной 1 м в центре южной стены зала № 2 ведет нас в зал № 1 размером $11,25 \times 10$ м. Стены его сохранились на высоту до 3,75 м. Штукатурка с остатками росписи прослеживается только над суфой на высоте 0,40—0,60 м. Остальная поверхность стен уничтожена сильным пожаром. Видимо, интерьер зала был оформлен только росписями, так как на большом количестве обуглившихся потолков, панелей и досок перекрытий не встречено резьбы.

¹ Аналогичный прием применяется до сих пор и называется «ганда андова» (грубая штукатурка).

Фрагмент росписи из зала № 2 (обнаружен автором. Хранится в Гос. Эрмитаже)

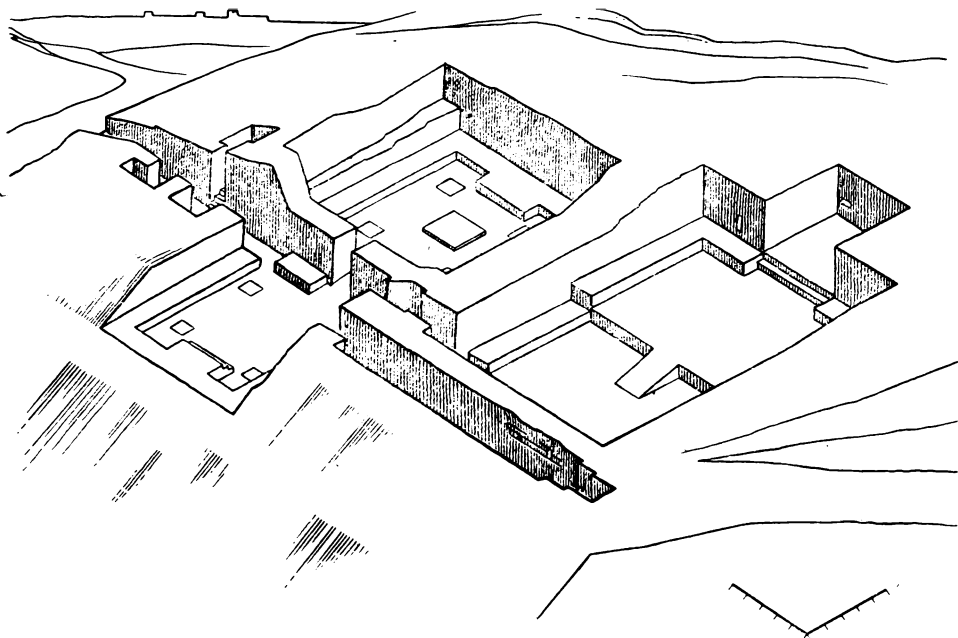
Вдоль всех стен зала № 1, как и в зале 2, шла суфа с хорошо оштукатуренной поверхностью (ширина — 1,20, высота — 0,45—0,50 м). Здесь также обнаружено «почетное место», но без ступенек.

Близко к центру зала находится приподнятая над полом квадратная площадка (1,60 кв. м) с ровной сильно обгоревшей поверхностью. Очевидно, некогда здесь было место жертвенника или курильницы. Аналогичная площадка имеется в одном из залов дворца Варахши. В полу по углам суфы сохранились также гнезда от баз четырех колонн.

Центральное место в дворцовом комплексе занимает парадный зал № 5. Это наиболее крупный зал. Его размеры 18,5×12,5 м. Кроме того, с южной стороны зала в глубине расположена лоджия. Раскопана приблизительно половина зала. Однако план его восстанавливается полностью.

Очень своеобразна его планировка. Выделяются три части с разными уровнями полов. Наиболее низкая часть зала находится у входа в северо-восточном углу. В плане это прямоугольник 10×12,5 м. Вдоль стен хорошо оштукатуренная суфа шириной 1,25 м и высотой 0,45 м. Пологий бесступенчатый подъем (ширина — 1,50 м) ведет в следующую часть зала, представляющую собой как бы эстраду (8,5×12,5 м), пол которой приподнят на 0,60 м. Вдоль стен этой эстрады также шли суфы. Чрезвычайно интересной деталью устройства эстрады, выявившейся в ходе раскопок, являются остатки деревянной вымостки, на которой, как можно полагать, находилось тронное сооружение. Эта вымостка находится не в центре, а ближе к восточной стене. Есть полное основание считать, что аналогичная вторая вымостка находится в нераскопанной части эстрады. Таким образом, имелись два тронных сооружения — для правителя и его супруги, что подтверждается сообщением китайской хроники, отмечающей, что «когда он (правитель) слушает представление о делах, то супруга сидит напротив него» [3, стр. 282]. В середине южной стороны эстрады расположена глубокая лоджия (4,70×4,50 м), в которую ведут две ступеньки.

Интерьер этого зала, к сожалению, пострадал наиболее сильно в результате пожара. В слое завала над полом было обнаружено большое количество балок, досок различных размеров. Остатки росписи на стенах прослеживаются только у поверхности суфы. В завале пе-

Аксометрия залов дворца (выполнено архитектором Г. И. Миленко)

ред суфой и на полу лежали груды мелких кусков штукатурки с росписями, в которых преобладает синий фон. Местами удается проследить изображение групп конных всадников, фигуры дароносцев и некоторые другие сцены. Как показали раскопки, дворец Пенджикента особенно сильно пострадал. Ненависть завоевателей-арабов к «сегодняшнему царю, самаркандскому государю» проявилась здесь, видимо, с наибольшей силой. Еще до того как помещения дворца были сожжены, росписи были преднамеренно сбиты со стен и растоптаны.

Сейчас у нас имеется достаточно данных для точной датировки гибели дворца, так же как и значительной части самого города Пенджикента. События эти несомненно находятся в связи с трагической эпохой, главным героем которой был Деваштич, бывший царь Пенджикента. Трагическую его судьбу раскрыло изучение документов знаменитого архива из замка на горе Муг [7], который был вывезен, как это представляется несомненным, из исследуемого нами дворца на пенджикентской цитадели. 721—722 годы, когда арабы вели ожесточенную борьбу с Деваштичем, являются и временем гибели дворца.

Раскопки дворца правителей Пенджикента еще далеко не завершены.

Однако само открытие его представляет значительный интерес, так же как и его местоположение. Находясь непосредственно под двойной защитой цитадели и всей крепостной системы города, дворец в то же время занимал по отношению к шахристану господствующее положение. Это помогает нам понять и социальную структуру общества, и место, которое занимали правители отдельных княжеств, и их непосредственное окружение в период, предшествующий арабскому завоеванию. Разумеется, очень большой интерес дворец представляет как архитектурный памятник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленицкий А. М., Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии [Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук], Л., 1967.
2. Беленицкий А. М., Результаты раскопок древнего Пенджикента, — сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968.
3. Бичурин И. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.
4. Наршахи, История Бухары, Каган, 1906.
5. Нильсен В. А., Архитектура Средней Азии V—VIII вв., Ташкент, 1966.
6. Смирнова О. И., Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963.
7. Согдийские документы с горы Муг, вып. I—II, М., 1962; вып. III, М., 1963.
8. Ставиский Б. Я., Исторические сведения о верхней части Зарафшанской долины, — ИМКУ, вып. I, Ташкент, 1959.
9. Ставиский Б. Я., Раскопки жилой башни в кухендизе Пенджикентского владельца, — МИА, № 15, 1950; Тереножкин А. И., Раскопки в кухендизе Пенджикента, — МИА, № 15, 1950.
10. Шишкин В. А., Варахша, М., 1963.
11. Якубовский А. Ю., Древний Пенджикент, — «По следам древних культур», М.—Л., 1951.